

Глава 1

МАРК

— Значит, слушайте сюда. Есть куча способов откинуть копыта в Зоне. Но не так много, как в городе. Грузовик вас не собьет, в канализацию не провалитесь, кирпич на башку не свалится. Короче, романтика! Все, что здесь нужно, чтобы не склеить ласты раньше времени — это соображалка.

Проводник по кличке Бергамот выразительно постучал себя толстым пальцем по голове. Трое сталкеров внимали ему с почтением.

— И именно соображалку мы с вами сейчас должны поставить на место. Собственные мозги с этого момента — ваши лучшие друзья. Если нужны подробности, я объясню. Вы все привыкли, что вас окружает Система. Если вас придавит тачка, вы идете в суд. Если беспредельщики подрезали кошелек, вы бежите стучать ментам. Так вот, в Зоне всего этого нет. Знать это мало, нужно этим жить. Понятно?

— Понятно, — охотно согласился самый молодой из троицы.

— Ни хрена тебе не понятно, Орех. Это тебе не экзамен, где надо вспомнить то, что прочитал в книжке. Когда на тебя смотрит дуло, или ведро «жгучего пуха» летит в морду, или какая-нибудь чернобыльская сволочь с кучей когтей хочет вспороть тебе брюхо, ты сразу же забываешь о понтах и вспоминаешь, как ты любишь жизнь и маму. Проверено поколениями, малыш.

Сталкеры слушали инструктаж проводника в заброшенном доме Рубежа. Все были облачены в стандартные куртки новичков, выданные им Бергамотом. Куртки были поношенными, но прочными и без повреждений — еще

одно доказательство, что никто из прежних их владельцев не получил шальную пулю и не напоролся на клыки мутировавшего кабана. Проводник не мог не гордиться этим.

— Так что на всякий случай напоминаю, — подвел итог Бергамот. — Раскидывать мозгами почаще, халтурить поменьше. И будет вам счастье. Усекли? Выдвигаемся.

Его команда вышла, а Бергамот задержался, чтобы еще раз проверить рюкзак.

Предстоящая ходка ему не нравилась. Совсем не нравилась.

В двери показалась тощая фигура.

— Не ходи с новичком, — произнес вошедший.

Бергамот набросил рюкзак на плечо и устремил на него гневный взгляд.

— Я проводник, Мифуна! — громыхнул он басом. — Что, я должен тебе напоминать, кто мы? Отойди!

Оттеснив Мифуну в сторону, Бергамот махнул рукой поджидавшим его сталкерам.

— Наливаем вечером, — бросил он на прощание и во главе троицы сталкеров зашагал в дебри Зоны.

Опираясь на дверной косяк, Мифуна смотрел ему вслед.

— Возвращайся живым, брат...

Бергамот был грузным и видавшим виды мужиком, возрастом за пятьдесят, обладающим широкими знаниями о Зоне, разумеется, в тех пределах, в которых Зона подвергалась изучению. Он не отличался особенными талантами выживания, у него не было повышенной чувствительности к аномалиям. Меткая стрельба тоже не являлась его сильной стороной. Сам сталкер никогда на это и не претендовал. И все же Бергамот пользовался уважением за ответственное отношение к делу и наличие собственной, довольно немудреной философии. Бергамот верил, что Зона не может сама по себе влиять на человека, и всем депрессиям, сумасшествиям и бессвязным мыслям есть четкие объяснения, не содержащие никакой мистики. Просто они, вероятно, неизвестны по причине засекреченности

и сложных особенностей психологии сталкеров. Он не признавал никакого «духа Зоны» — только дух естественной матушки-природы вокруг себя, которую «испоганили радиацией». Чернобыль для Бергамота был еще одним примером человеческой глупости и самонадеянности. Ярким показателем того, как люди создают что-то новое, чтобы заявить на весь мир о своей гениальности, а позже, если их изобретение вдруг ударяет по ним самим, пускаются в оправдания, отнекиваются от всех причин и последствий и готовы приплести мистику и высшие силы, чтобы скрыть собственное бессилие. Слабость, слабость и еще раз слабость. Как во внешнем мире слабые духом сетуют на жизнь, которая их в очередной раз обломала, так и здесь, за Барьером, продолжают кивать на Зону, якобы поглощающую волю всех, кто в ней находится.

Кроме того, Бергамот всегда приводил группу назад в полном составе. За несколько сотен ходок в Зону он не потерял ни одного человека. Это делало его бесценным проводником и отличным наставником для новичков, особенно молодых.

Новичкам в Зоне нужно учиться двум главным вещам: искусству выживания в условиях аномалий и боевой самозащите — соответственно, стажеры часто делились на «природных» и «боевых». Бергамот не принуждал никого осваивать оба навыка одновременно. Свою группу он всегда набирал лично. По обыкновению, в ее состав, кроме него самого, входили один «природный» сталкер и один «боевой». «Природный» должен был искать безопасный путь наравне с ведущим, и в качестве тренировки Бергамот иногда пропускал его вперед, контролируя каждый шаг стажера. Для успешного прохождения теста новоявленный сталкер должен был самостоятельно локализовать хотя бы одну аномалию, определить ее свойства, границы и окружить камнями, нарисованной мелом чертой или обозначить любым другим способом.

«Боевой» стажер не должен был заботиться об аномалиях, его цель — обеспечить защиту команды с помощью

оружия. С автоматом в руках он обозревал окружающее. При появлении опасности вроде стада кабанов, стаи собак или банды мародеров «боевой» стажер без лишних слов открывал огонь. Для сдачи теста ему надо было по окончании ходки отчитаться о каждом потраченном патроне. Этот пункт добавили после того, как случаи ненужной стрельбы по шевелящимся кустам стали происходить все чаще.

Стажерам предписывалось брать на ходку только один автомат Калашникова, за которым Бергамот старательно ухаживал, и классический детектор аномалий без дополнительных наворотов вроде определителя оптимального пути. Да еще минимум защиты. Все.

Перед ходкой проводился инструктаж, на котором определялись цели вылазки и возможные опасности. В группу, если получалось, добавляли еще одного человека — замыкающего. Это мог быть только сталкер, побывавший в ходках Бергамота и успешно прошедший оба теста. Его задачей являлся контроль территории позади команды. Исполнять приказы проводника он должен был наравне со стажерами.

После ходки Бергамот сдавал найденные артефакты перекупщику, половину вырученных денег оставлял себе, часть переходила к замыкающему, остальное делилось поровну между стажерами. Заканчивалось все совместной пьянкой.

Бергамот стал первым, кто придумал такую систему обучения выживанию в Зоне, и многие проводники тут же взяли ее на вооружение. Разумеется, тесты и их прохождение в сталкерских кругах имели чисто символическое значение, выражавшееся тем не менее во вполне реальных переменах в отношении к стажеру — более теплом приеме, росте доверия и тому подобном. Пройти тест предлагали не всем. Из тех, кому предлагали, любой мог отказаться без особых последствий и избрать путь одиночки. Если новичок хотел вступить в клан сталкеров, то прохождение тестов не давало никаких привилегий, однако отказ от них сводил его шансы до нуля.

Четверо сталкеров двигались друг за другом сквозь заросли. Ведущим был Бергамот. С болтом, который он перебирал пальцами одной руки, и ножом в другой, с автоматом за спиной, Бергамот зорко всматривался в любой подозрительный куст или камень в поисках любого из восьмидесяти известных ему признаков аномалий. Предостережение Мифуны было благополучно забыто — он сосредоточился на выполнении задачи. Проводник не имеет права отступать от того, чему сам обучает новичков.

Следом шел Марк, парень лет двадцати-тридцати. Более точно Бергамот сказать затруднялся, хотя обычно он угадывал возраст человека по многим внешним признакам. Понять характер стажера и его внутреннюю суть он также не сумел, отчего испытывал досаду. У Марка все показатели были настолько противоречивы, что это сбивало с толку. Немного мальчишеское лицо было прорезано суровыми складками мужчины в возрасте, ясный взгляд зачастую переходил в безжалостный, добрая улыбка то и дело исчезала — Марк стискивал зубы, а в глазах его загорался невиданный ранее огонь. Наверняка много боли было в душе у парня, и он с ней постоянно боролся. Плавные движения вдруг сменялись резкими. Казалось, Марк видит больше, чем Бергамот, хотя это было просто невозможно. Тем не менее с обязанностями «природного» стажера он справлялся отменно: локализовал целых три аномалии раньше Бергамота, одну из них — без применения детектора, с помощью болтов. Болты он бросал странно, вроде бы четким движением, но немного не в ту сторону, хотя это был не промах, а сознательное прицеливание. Впрочем, результатов это не меняло. Парень производил впечатление надежного напарника.

Третьим в группе двигался Орех. Это был неплохой сталкер, простой двадцатилетний паренек, уже прошедший с Бергамотом тест на «природного». Бергамот сильно подозревал, что Орех накрутил себе пару-тройку годков. Сейчас молодой сталкер исполнял обязанности «боевого» стажера

и отчаянно стремился справиться с ними как можно лучше, так как хотел после ходки примкнуть к какому-нибудь из кланов. Орех избегал одиночества. Бергамот это одобрял: парень, уважающий клан и старших, далеко пойдет, если будет во всем стараться. Орех и старался, как мог: он извещал Бергамота о каждом движении на обозримом пространстве и держал автомат на изготовку. Бергамот не одергивал его, так как бодрые рапорты Ореха немного снимали напряжение, вызванное присутствием Марка.

Четвертым и последним членом команды, замыкающим, шел Пластун. Вечно угрюмый, он редко общался с другими и только бурчал что-то невнятное на все вопросы. За исключением, конечно, вопросов Бергамота. Приказы он выполнял быстро, но с видимой неохотой. Пластун, которому было лет сорок, уже больше года ходил по Зоне одиночкой, зарабатывая на жизнь дешевыми артефактами, пока окончательно не надоел бодрому торговцу Исидору своим унынием. После этого он решил обратиться к Бергамоту и хоть как-то поднять свой авторитет. Он побывал с Бергамотом на двух ходках, чуть ли не самых коротких у проводника за всю карьеру, во время которых ткнул пальцем на некоторые из уже известных постоянных аномалий. Стрелять же не довелось вообще. Бергамот поскрипел зубами, но тест принял. Сейчас Пластун скучающим взглядом обозревал окружающее, держа руку на кобуре с пистолетом «Форт-12». Бергамот не думал о Пластуне, зная, что это последняя с ним общая ходка. Кроме того, местность была безопасной, и он вполне доверял Ореху и собственному «калашу» за спиной.

«Калаш» Бергамота имел уникальную особенность: его детали располагались зеркально. Это случилось, когда Бергамот при одиночной вылазке попал в такую переделку, что автомат оказался безнадежно испорчен. После того как проводник выбросил его в ближайшую, окаймленную бурым мхом болотную лужу, раздался непонятный хлопок, и автомат вышвырнуло обратно. Он был совершенно новый, но зеркально отображенный. Бергамот, при-

свистнув, взял его в руки, перезарядил и сделал несколько выстрелов. «Калаш» работал просто превосходно. Привыкнув к левостороннему затвору, Бергамот привязался к своему обновленному оружию, которое, как оказалось, вообще перестало заклинивать и ломаться. Благо конструкция по-прежнему позволяла пользоваться обычными магазинами. Исидор предлагал за него огромные деньги, но Бергамот отказался. Попытаться принести торговцу второй автомат, обработанный тем же способом, было бы глупостью — уникальные вещи тем и хороши, что их на массовое производство не поставишь.

Территория, через которую направлялись сталкеры, относилась к Рубежу — относительно безопасному участку на самом краю Зоны. К югу находился военный блокпост, приближаться к которому было опасно для жизни, так как можно было запросто нарваться на пулеметный огонь и выслушивать вопросы уже потом. Очень немного было сталкеров, которые могли пробраться к блокпосту и вернуться живыми и даже с рюкзаком, полным различного гражданского барахла, выменянного на найденные в Зоне артефакты.

С востока и запада Рубеж, равно как и сама Зона, был огражден бетонным Барьером с орудиями, растяжками, колючей проволокой, камерами наблюдения и часто сменяемыми часовыми. От блокпоста Барьер отличался только тем, что преодолеть его было нельзя. Такой вариант даже не рассматривался. Автоматические орудия на турелях с режимом опознавания «свой-чужой» после первого же неудачного прорыва мутантов были перестроены на тотальное истребление всего живого, без разбора происхождения. Потенциальный, хотя и маловероятный сбой техники должны были компенсировать человеческие глаза, руки и нервы. За ликвидацию прорыва полагалось множество всяческих наград и поощрений, но каждый военный, находящийся у Барьера, знал, что основной приз — собственная жизнь. Если прорыв остановить не удавалось, в дело вступали вер-

толеты, полностью выжигавшие квадрат вместе с оборонительными силами.

Попадающая под огневую мощь Барьера территория была отделена от Зоны по-детски выглядящим забором из проволочной сетки. Смехотворное и очень длинное сооружение оберегало сталкеров от зоны действия орудий. Перелезть через забор и даже подходить к нему вплотную было опасно — пространство между ним и Барьером было щедро усеяно различными осколками, противопехотными минами и артефактами, усиливающими радиацию. Поговаривали, что во всей Зоне не найти столько артефактов, и тут замешаны некоторые достижения ученых, по понятным причинам проявлявших к Зоне большой интерес.

Как бы то ни было, но многие новички недоумевали, глядя на проволочную сетку, окружающую Рубеж, однако штурмовать ее не решались, особенно узнав, в чем дело. Если же и попадались бреши в заборе, проделанные, например, кабанами или особо ретивыми сталкерами, то они быстро латались неизвестным никому способом, что порождало новую волну слухов и сплетен. Во всяком случае, после каждого радиоактивного Выплеска забор был снова на месте. Ветераны-сталкеры уверяли, что лично видели, как проволочный забор выдерживает артиллерийский удар, хотя в иных случаях его можно было спокойно продырять кусачками.

Группа Бергамота направлялась на обычную охоту за артефактами. Пробираясь вдоль забора, сталкеры оказались вдали от людных мест. Бергамот рассчитывал обойти таким образом весь Рубеж и вернуться к исходной точке поздно вечером. Это был один из хорошо известных ему маршрутов.

Стоял как раз один из тех дней, когда Бергамот чувствовал усталость, которую никому никогда не показывал. Все чаще стали одолевать незнакомые ранее мысли. На смену азарту исследователя пришли головная боль и повышенное давление. Бергамот знал, что с возрастом не поспоришь, а вылазки в Зону требовали все большего оправдания,

чтобы их продолжать. Пожилой проводник с каждой походкой понимал, что все сильнее устает от Зоны, и подумывал о возможной смене приоритетов. На крайний случай с Исидором можно бы договориться и об экстрадиции за пределы Барьера. Так сказать, за заслуги перед сталкерским обществом. Поселиться в любой из заброшенных деревень, уже частично обжитых бывшими сталкерами. Рассказывать молодняку разные истории в обмен на сто грамм. А там, глядишь, и задуматься о тех, кого знал до Зоны. Что ему в этой жизни терять?

— Стоп, — тихо сказал Марк.

Бергамот остановился и на всякий случай прислушался внимательнее. Не может быть, чтобы он чего-то не заметил. Проводник часто мысленно беседовал на ходах сам с собой, но это делалось на уровне подсознания, в то время как сам он был предельно сосредоточен на Зоне. Не успел он и рта раскрыть, как стажер бесцеремонно взял его за плечо, чуть отодвинул и кинул болт метров на пять вперед.

Раздался громкий треск, и болт улетел куда-то в сторону. Бергамот застыл на месте.

— «Трамплин», — пояснил Марк. — В связке с «поролоном».

— Какой еще «поролон», черт побери? — спросил Бергамот, вглядываясь вперед и чувствуя, как к горлу подкатывает ледяной ком. — И где ты «трамплин» нарыл? Да ты от радиации перегрелся!

Быть такого не могло, чтобы он, ветеран Зоны, не заметил двух аномалий сразу. Детектор также хранил спокойствие.

— Не верь всему, что видишь, — сказал Марк. — Есть же куча других признаков. Горло не холодит, например?

Орех и Пластун выглядели озадаченными. Бергамот прислушался к себе и понял, что стажер прав. Внутри словно застрял кусок льда. Сам он только один раз подходил близко к аномалии «поролон» и очень хорошо помнил ощущение буквально стынувшей в жилах крови. Но «поролон» — это

снежный трехметровый вихрь, его видят как глаза, так и датчики. Тут должно быть другое объяснение.

— Все просто, — сказал Марк, слегка присев и медленно обводя кусты взглядом. — Вблизи других аномалий «поролон» становится невидимым. А вместе с ним и соседние ловушки. И для глаз, и для детекторов.

Бергамот не нашел, что ответить. Подобное объяснение он слышал впервые. Но не было повода сомневаться в словах стажера — ведь тот обнаружил невидимый «трамплин», хотя и непонятно, как ему это удалось. Внимательно осмотрев заросли с места, проводник ничего не обнаружил. Поймав взгляды Ореха и Пластуна, Бергамот увидел в них недоверие.

Старый проводник растерялся. Рушились все его представления о Зоне.

— Лады, «трамплин» мы засекали, допустим. С «поролоном» что будем решать? — спросил Бергамот, переборов гордость.

— Ничего. Разве что сунуться в «трамплин».

— Не катит, — усмехнулся Бергамот. — Думаю, желающих полетать здесь немного. Будем бросать болты.

Он сунул руку в мешочек с болтами. Марк тут же ее перехватил, к чему-то прислушиваясь и даже не глядя на Бергамота, что окончательно разозлило проводника.

— Послушай, ты, — вспыхнул он, но Марк его прервал:

— У твоего «поролон» от трех до шести вихревых центров. Он исчезнет лишь при поражении каждого из них. Кинешь болт неправильно — и он срикошетит тебе в глаз.

— Откуда ты все это знаешь?! — громко спросил Бергамот.

Орех с Пластуном напряглись. Марк повернул голову и взглянул на них через плечо.

Раздался громкий визг, и Орех моментально вздернул «калаш». Пластун, медленно вытаскивая пистолет, отошел в сторону. Из кустов показалась морда, похожая на кошачью. Мгновение — и существо, размером не больше

кошки, мощным прыжком перелетело на ветку, издав повторный визг.

Бергамот, не сводя глаз с создания, осторожно снял с плеча автомат.

— Монстера, — пробормотал он.

Марк плавно поднялся:

— Слишком маленькая.

— Плодятся, твари, — сказал Бергамот.

Впервые в жизни он встретился с маленькой монстерой, а до этого даже не был точно уверен в их существовании. Встреча с большой наверняка была бы для него последней. Хотя и маленькую не стоило недооценивать. Тем более что мать могла бродить поблизости.

— Стреляем сразу после меня, — отдал приказ Бергамот и взял монстеру на прицел.

Издав донесся такой же визг, отчего Орех подскочил на месте и взволнованно выдохнул. Вторая монстера, тоже маленькая, появилась с другой стороны и ощерилась.

Пластун, отходивший спиной назад, внезапно остановился — третья монстера смотрела на него с дерева, вцепившись когтями в ствол на уровне его головы.

Некоторое время никто не шевелился.

— Не стрелять, если не нападут, — сказал Бергамот еле слышно. Три монстеры. Две невидимые аномалии. Кажется, отработал свое. Прощайте, сталкеры. Вечная память всем нам.

Первая монстера подняла хвост, и Орех, словно вспомнив из прочитанной в детстве книги, что у хищников это знак атаки, выстрелил ей в голову. Монстера, избежав пули, моментально перепрыгнула на другое дерево, две ее подружки скрылись. Этого хватило, чтобы Бергамот быстрым движением сорвал висящий на спине автомат, снял его с предохранителя и расстрелял первую тварь, предугадав направление ее следующего прыжка. Монстера с визгом свалилась на землю и исчезла в кустах.

Марк за это время успел забраться на дерево. Бергамот никак не отреагировал — странностей у стажера, по-види-